

Глава 11. Раскаяние

Мяньцинзнь сидела поодаль, застыв с непроницаемым лицом. Лю Ин хранил молчание, мерно прихлебывая горячий чай. Е Чжэн, поручив служанке Сяо Чжу заботу о Сюэжо, забился на край постели Чэньша. Он мертвой хваткой вцепился в пододеяльник, не сводя с друга пристального взгляда — безмолвный, но красноречивый упрек за преступное безрассудство.

Чэньша понимал: друзья изводят себя тревогой. Он не мог ни вздохнуть, ни улыбнуться; оставалось лишь покорно играть в эту игру «кто первым заговорит». Макияж был смыт, на смену тяжелым одеждам пришел привычный наряд цвета морской волны. Раны на ногах, благодаря совместным усилиям Лю Ина и Мяньцинзнь, уже затянулись. Он был искренне благодарен им, а потому сидел тише воды, ниже травы, демонстрируя всем своим видом глубочайшее раскаяние.

Тягостную тишину прервал Е Чжэн:

— Господин Чэньша слишком рисковал... Слава богу, всё обошлось.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями, а затем неловко обнял Чэньша за шею. Тот замер, позволяя другу выплеснуть чувства, и мягко похлопал его по спине. Мяньцинзнь едва заметно изменилась в лице. Несмотря на то что поступок Чэньша привел Цинь Фэна в ярость, худшего удалось избежать. Пожалуй, получаса самобичевания было достаточно.

Е Чжэн хотел что-то добавить. Он несколько раз открывал рот, краснея от натуги, пока наконец не выдал тираду, поразившую всех присутствующих:

— Убийцы оказались слишком сильны, Глава союза не рассчитал риск. Если господин Чэньша продолжит появляться на людях, никто не даст гарантий безопасности. Домашний арест — это не наказание, а щит. Он хочет защитить вас. Пока вы в безопасности в поместье, он найдет способ разузнать всё о нападавших. Господину Чэньша стоит набраться терпения и помогать госпоже Мяньцинзнь здесь, в стенах дома.

Троица замерла. Благодаря простодушным словам Е Чжэна, они наконец взглянули на ситуацию под другим углом. Гнев Цинь Фэна был лишь ширмой для тревоги. Чэньша, в силу своего характера, всегда находил способ впутаться в непредсказуемые истории, давая убийцам шанс. Наказание — домашний арест — было идеальным предложением, чтобы запереть его в золотой клетке, где враги до него не дотянутся.

Чэньша словно прозрел. Глядя на Е Чжэна, который снова принял свой обычный придурковатый вид, он искренне восхитился:

— Твои слова разогнали тучи в моей душе. Теперь я понимаю истинный помысел Главы союза. Спасибо тебе, Е Чжэн.

Получив похвалу, бедняга покраснел еще гуще и устался в пол.

Мяньцинь наконец позволила себе улыбнуться:

— Верно. Я и сама была против твоих прогулок. Отныне будешь сидеть под моим крылом и помогать с делами. — Она перевела взгляд на Е Чжэна. — Этот малый кажется недотепой, но порой зрит в самый корень.

Лю Ин поставил чашку на стол:

— Е Чжэн прав. Сегодня вы ходили по краю бездны. Кто знает, улыбнется ли удача в следующий раз? Месяц в поместье — разумная цена за жизнь. Глава союза наверняка уже ищет тех, кто жаждет вашей крови.

Едва Лю Ин закончил, у дверей раздался грохот. Обернувшись, они увидели настоящего Нин Сюэжо — тот не удержался на ногах и упал прямо на пороге. Следом вбежала Шухуа, пытаясь поднять его:

— Господин, вам нельзя вставать! Живо в постель!

По сравнению с тем затравленным существом, которого спас Чэньша, юноша выглядел лучше: раны затянулись, но лицо оставалось мертвенно-бледным от пережитых мук.

— Нет... — он отчаянно затряс головой. — Господин спас мне жизнь... Как я могу... не отблагодарить...

— Если понимаешь цену своего спасения, то должен лечиться, а не гробить себя! — Мяньцинь резко встала. Её голос прозвучал так сурово, что Сюэжо невольно вздрогнул.

Чэньша попытался вмешаться:

— Сестра, Сюэжо просто хотел...

— А ты помалкивай и лежи! — Гнев Мяньцинь, едва утихший, вспыхнул с новой силой. — Разве не ты твердил: «Сначала обдумай, потом действуй»? Стать живой мишенью — это и есть твой «продуманный план»?

Чэньша виновато опустил голову:

— Прости... я виноват.

— У тебя ни капли боевых искусств, а магией ты владеешь постольку-поскольку! Если бы те наемники зажали тебя в угол, кто бы дал гарантию, что тебя вытащат живым?

— Я был слишком импульсивен. Прости меня, — искренне повторил Чэньша.

Видя такое смирение, Мянъцинь смягчилась:

— Впредь — никаких подмен! Категорически запрещаю. Ладно, раз уж «виновник торжества» здесь, решим его судьбу. — Она посмотрела на Сюэжо. — Рассказывай о себе. Всё как есть.

Юноша растерялся, но быстро взял себя в руки — всё же он не раз выступал перед вельможами.

— Госпожа, я — Нин Сюэжо, сын придворного распорядителя музыки. Мой отец перешел дорогу влиятельному человеку, и всю нашу семью оклеветали. Отца казнили, а меня продали в Башню Тысячи Цветов и Пьяных Грез. Если бы не господин и не вы... я бы уже... — он запнулся, не в силах продолжать.

— Значит, ты искусен в музыке?

Нин Сюэжо посмотрел на свои тонкие пальцы. В его голосе прорезалась былая гордость:

— С малых лет отец наставлял меня. Я владею почти всеми инструментами, что известны поднебесной.

— Тогда у тебя два пути, — отрезала Мянъцинь. — Первый: остаться здесь. Это поместье Главы союза Цинь, и если ты останешься, то станешь его человеком. По правилам, ты сможешь покинуть дом лишь через пять лет. Работать не заставят, он не обидит кровом и едой. Второй путь: у него есть свои увеселительные заведения. Ты можешь пойти туда музыкантом. Это ниже твоего достоинства, я знаю, но в заведениях Цинь Фэна никто не посмеет тронуть тебя и пальцем. Отработаешь те же пять лет, будешь получать жалование и по истечении срока уйдешь вольным человеком.

Нин Сюэжо сжал кулаки.

— Благодарю за совет, госпожа. Я выбираю путь музыканта.

Чэньша одобрительно кивнул. Он достал из-под подушки контракт о продаже — тот самый, к которому Цинь Фэн даже не прикоснулся, — и на глазах у изумленного юноши разорвал бумагу в клочья.

— Сперва окрепни в поместье, а потом отправишься туда. И помни: береги себя. Тебе больше

не нужны эти оковы, теперь ты свободен. Когда сил мало, нужно уметь терпеть и ждать. Копи капитал, связи — только так ты сможешь когда-нибудь очистить имя своего отца.

Теплая комната, чистая одежда, сочувственные взгляды... Переход из ада в рай казался Сюэжо нереальным. Ошеломленно кивнув, он вырвался из рук Шухуа и рухнул на колени, отвешивая земной поклон:

— Спасибо, господин... Спасибо за спасение... Спасибо за науку, госпожа...

Лю Ин, доселе хранивший молчание, поднялся:

— Вид у господина Нина болезненный. Покой — лучшее лекарство. Я немного смыслю в медицине, позволишь ли взглянуть на тебя?

Сюэжо хотел поблагодарить, но силы оставили его. Он пошатнулся и едва не упал, если бы Лю Ин не подхватил его под руку.

— Я провожу его. Госпожа Мянъцинъ, господин Чэньша, Е Чжэн — позвольте откланяться.

Мянъцинъ проводила их взглядом.

— Ступайте. Шухуа, помоги им.

Она посмотрела на небо и засобиравалась сама:

— Не буду тебе мешать. Поешь и отдохай. Если найду для тебя дело — загляну позже. — Подхватила заторможенного Е Чжэна за локоть. — Пойдем, нечего докучать Сяо Ша.

— Погодите! — Чэньша вспомнил про угощение, которое купил днем. Он протянул Е Чжэну сверток с лунными лепешками. — Вкус отменный, попробуй на досуге.

Мянъцинъ приняла сверток вместо друга и со вздохом посмотрела на Чэньша:

— Сяо Ша, ты хоть помнишь, что тебе едва минуло сто шестьдесят, а Е Чжэну уже сто девяносто девять? Почему ты вечно печешься о нем, как о младшем?

Чэньша оторопел. Он совсем забыл, что в этом теле он — лишь юнец по меркам долгожителей. В зеркале он видел почти детское лицо, в то время как Е Чжэн выглядел вполне сложившимся мужчиной. Сказалась привычка из прошлой жизни: в магазине он всегда был старшим и привык опекать новичков.

Мяньцзинь не стала развивать тему.

— О себе лучше позаботься. Хуаньхуа! — Она позвала служанку. — Приготовь господину чего-нибудь легкого и питательного. И проследи, чтобы он лег вовремя. Всё, я ухожу.

Вскоре подали ужин. Блюда во время «заточения» оказались даже изысканнее обычных — Чэньша понимал, что это забота Мяньцзинь. Покончив с едой, он отослал служанку, сославшись на желание почитать в тишине.

Ночной ветер приятно охлаждал кожу, пламя свечи дрожало. Чэньша раскрыл книгу, но он замер на одной странице. Прошла минута, другая...

Тихий шорох — и на бумагу опустилось крохотное черное существо. Чэньша вздрогнул, но тут же улыбнулся, узнав маленькую летучую мышь с блестящими, как звезды, глазами. Он вытер руки полотенцем и протянул указательный палец. Зверек радостно захлопал крыльями, вцепился в кончик пальца и припал к коже, довольно зажмурившись.

— Люк, скажи, я ведь слишком много на себя беру? — негромко спросил Чэньша, наблюдая за питомцем. — Пользуюсь тем, что меня защищают, кичусь своими знаниями... и пытаюсь ворочать горами.

Летучая мышь, проголодавшаяся за несколько дней, даже укрыла палец крыльями, чтобы не смущать хозяина своим аппетитом, и ничего не ответила.

— Я ведь всего лишь песчинка в этом мире. Мои силы ничтожны. Я думал, что в этой стране равенство — это норма, но здесь процветает торговля людьми. Я помог одному Сюэжо, но что я сделаю для тысяч других?

Люк продолжал сосать кровь.

— Я даже со своими бедами не могу совладать. Кто желает смерти «Фэй»? Смогу ли я... дожить до того дня, когда исполню старые обещания?

Раздался негромкий хлопок, облачко дыма рассеялось, и на коленях Чэньша материализовался подросток в старинных одеждах с копной золотистых кудрей. Черты его лица еще сохраняли детскую мягкость, а он лукаво смотрел своими огромными васильковыми глазами. Насытившись, вампир Люк принял человеческий облик и подбоченился:

— С моей помощью тебе не о чем беспокоиться!

Чэньша не успел и слова вымолвить, как у кровати возникла черная тень. Ледяное лезвие кинжала коснулось горла Люка. Сюкун застыл, вопросительно глядя на Чэньша.

— Это друг, — поспешно объяснил тот. — Он не убийца.

Сюкун смерил Люка взглядом. Не почуяв жажды крови или злого умысла, он, не проронив ни слова, растворился во тьме. Скрытый страж слышал, как Чэньша говорит сам с собой, и появление «гостя» из ниоткуда заставило его заподозрить худшее. Но раз хозяин сказал — друг, значит, так тому и быть. Лишние вопросы не входили в его обязанности.

Люк осознал опасность лишь тогда, когда она миновала. Он потирал шею, озираясь:

— Что это было?

— Уже всё в порядке. Это Сюкун, страж, которого приставил Глава союза. Он принял тебя за наемника. — Чэньша почувствовал, что ноги затекли под тяжестью подростка. Он отодвинулся, освобождая место на кровати. — Садись. И... давай сбежим?

— Господину стоит вести себя приличнее, — раздался ледяной голос из пустоты.

Чэньша мысленно хлопнул себя по лбу: ох уж эти стражи... Проверка прошла успешно — Сюкун слышит каждое слово. Люк смекнул, в чем дело, и хитро улыбнулся. Он заговорил в полный голос, но звуки, слетавшие с его губ, заставили и Сюкуна, и Чэньша оцепенеть.

Это был английский язык.

Услышать родную речь в ином мире было для Чэньша сродни чуду. В прошлой жизни он едва поступил в университет, как был вынужден бросить учебу ради брата, но его знаний вполне хватало для беседы. Люк понимал китайский, Чэньша же отвечал на английском, вставляя знакомые слова, где не хватало лексики. Общение шло как по маслу. Бедному Сюкуну оставалось лишь слушать эту «тарабарщину», не в силах доложить Цинь Фэну ни слова из их беседы.

— Нужно придумать, как объяснить Главе союза твое появление, — озабоченно прошептал Чэньша.

Люк задумался.

— Ты слышал легенды о «Контрактных священных зверях»? Если спросят — скажи, что я один из них. Случайно встретились, мол, и заключили договор.

Чэньша вспомнил: он читал об этом в архивах. Священные звери — существа гордые, заключающие контракт лишь с теми, чья душа чиста. Они принимают человеческий облик и служат своему контрактору верой и правдой.

— Отличная идея. Скажем так: ты защищаешь меня в обмен на кровь. Мы встретились в прошлое полнолуние, и ты счел меня «достойным». Идет?

— Идет! — Люк выставил большой палец вверх. — Чтобы всё выглядело правдоподобно, я буду с тобой и днем. Обернусь мышью и буду спать где-нибудь в складках одежды. Если что — я рядом.

— А как же солнце?

— Я вампир пятого поколения, да еще с восточными корнями. Кровь у меня сильная, так что солнце — лишь досадная помеха, не более. Терпеть не могу только серебро, святую воду и чеснок.

Чэньша не знал, что такое «пятое поколение», но понял главное — Люк могущественен.

— И всё же отдыхай днем. У меня есть охрана, а ты и так тратишь силы, почти не питаешься.

Люк нехотя признал:

— Твоя правда. Тогда буду приходить по ночам... По правде говоря, будь я в полной силе, я бы уклонился от того кинжала за миг до удара. Сейчас я едва могу защитить себя, ну и тебя прикрыть в крайнем случае. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Но пока я жив, никто тебя не тронет!

— Верю. Спасибо.

— Да ладно, — Люк махнул рукой. — Я же должен беречь свою еду... кхм, то есть, лучшего друга.

Чэньша не выдержал и рассмеялся. Мрачные мысли отступили. Увидев улыбку друга, Люк посерьезнел:

— Слушай, не бери в голову всё то, что наговорил раньше. Хочешь что-то менять — меняй. Я за тебя горой! Делай что можешь, главное — знать, что ты выложился на все сто. Только так можно жить с чистой совестью.

Оказалось, Люк внимательно слушал его жалобы, даже когда был занят «ужином». Поддержка друга согрела сердце Чэньша. Они обменялись крепким рукопожатием, скрепляя негласный союз.

Найти такого единомышленника — редкая удача.

<http://bllate.org/book/17524/1693865>